

Дневник
первой любви

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Светлана Лубенец
Дневник первой любви

«Автор»

2006

Лубенец С. А.

Дневник первой любви / С. А. Лубенец — «Автор»,
2006 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-25366-1

Дорогие девчонки! Мне очень хочется, чтобы вы узнали себя в героинях моих книг. Они общаются с друзьями и пытаются разобраться в жизни точно так же, как вы. Так же мечтают о любви. Я верю, что вы обязательно встретите ее – любовь, такую же чистую, возвышенную и прекрасную, какую я подарила героиням своих произведений!

ISBN 978-5-699-25366-1

© Лубенец С. А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

4 сентября	5
10 сентября	8
12 сентября	10
15 сентября	12
16 сентября	14
17 сентября	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Лубенец

Дневник первой любви

Темно-красная общая тетрадь, на которой довольно коряво выведено: «Геометрия. 9-й „В“». Надпись чуть ниже зачерчена черной пастой, но сквозь нее все равно можно прочитать: „Катя М.“.

4 сентября

Я не знаю, куда себя деть. Я себя ненавижу. Мне нет места в этой жизни. Я страшнее всех девчонок в классе. Я поняла это сразу, первого же сентября, на торжественной линейке. Вернее, тогда я подумала, что несерьезно подошла к подготовке. Я даже не догадалась попросить родителей купить мне что-нибудь новенькое из одежды, а пришла в прошлогодних джинсах и в бежевой вельветовой курточке на «молнии», в которой тоже уже ходила в школу в прошлом году.

А все девчонки так расфуфырились, что прямо противно было смотреть. Во-первых, все накрасились, как на дискотеку. Настька Шевченко даже приклеила накладные ресницы, но весь день отказывалась в этом признаваться. Смешно. Как будто кто-нибудь поверит, что за лето ее собственные ресницы смогли каким-то непостижимым образом вырасти и загуститься. Во-вторых, все увесились бижутерией, как новогодние елки: бусики, цепочки, кулончики и еще раз цепочки. Целые связки из разнокалиберных цепочек, как только шеи выдерживали? В-третьих, разделись. Та же Шевченко нацепила прозрачную облегающую рубашечку, чтобы все сразу могли увидеть, какой на ней потрясающий кружевной бюстгальтер.

Мне тоже хотелось бы бюстгальтер, но... до сих пор мне ни один не подходит. А что будет, если у меня ничего существенного в этом месте вообще так и не вырастет? На кого я буду похожа? Конечно, пока под вельветовой курткой никому не видно, что у меня на груди ничтожные образования, но через два дня у нас физкультура. Придется надевать футболку. И что? Все сразу увидят, что за лето я совершенно не изменилась. Я даже не подросла нисколько. А Шевченко стала выше почти всех мальчишек. Ходит такая гордая, надменная. Прямо королева красоты! Модель!

Пожалуй, я на физкультуру не пойду... Можно, правда, надеть сверху куртку от спортивного костюма... Но будет очень глупо, если я одна буду в куртке.

Я вообще все время одна. В прошлом году мы дружили с Наташкой Погорельцевой, но в этом году она почему-то уселась за одну парту с Шевченко. И вот всё шушукуются и шушукуются... Я сначала хотела подойти к Наташке и спросить, в чем дело, а потом думаю – зачем? Все и так ясно. Все наши мальчишки не сводят с них глаз. Погорельцева вчера тоже накрасила губы. Кровавой помадой. А ей абсолютно не идет. Наша классная Елизавета тут же потащила ее отмываться. Еще бы! Наташка выглядела, как настоящая вурдалачиха!

Дома тоже все отвратительно. Я родителям не нужна. Я их все время раздражаю. Мы совершенно чужие друг другу люди. Сегодня мама целый день нудила, что я не гашу свет в ванной. А я не замечаю, что не гашу. Я же не специально вредничаю. Что, ей трудно самой погасить? Разве это стоит того, чтобы говорить об этом целый день?

А вчера я показала ей фотографии прошлогоднего весеннего похода по Тосненским пещерам, которые наконец сделал Костик Морозов. Я там в одном месте так здорово получилась! Это был конкурс по вязанию узлов. На фотографии у меня в руках веревки, которые я сосредоточенно связываю. А волосы так красиво обрамляют мои щеки. Обычно я убираю волосы в хвост на затылке, а в тот раз почему-то не убрала. Так мама даже не спросила, что я

делаю. Мельком проглядела фотки и сунула их мне обратно. И даже не в руки, а куда-то в шею, потому что не глядя. А я-то собиралась ей в подробностях рассказать об этих узлах и вообще о походе, о пещерах. Мама ведь даже не знает, что я в том конкурсе, по узлам, заняла второе место. Могла бы, между прочим, и первое, если бы... Но ей это совершенно неинтересно. Ей интереснее нудеть про свет в ванной и про то, зачем я положила грязный свитер в шкаф. А он не такой уж и грязный, я собиралась его еще поносить.

До чего же противно все время слушать одно и то же. Все время приходится выныривать из гущи ненужных и необязательных слов. Почему бы маме хоть иногда не назвать меня доченькой или Катенькой, как раньше? Она разучилась. Я для нее только Катерина. Когда дети маленькие, с ними без конца сюсюкают, а как вырастут – так никому не нужны. Эти взрослые заводят себе живую игрушку, а как только она перестает быть маленькой и пушистой, сразу начинают нудеть про свет в ванной или еще про что-нибудь такое же дурацкое. Неужели взрослые не знают, что любой малышенок обязательно вырастет и с ним надо будет разговаривать всерьез, как с равным? И не про грязные свитера, а про жизнь! Например, почему она такая трудная? Почему я не нахожу себе в ней места? Я все время в тревожном состоянии, будто предчувствую: что-то случится, что-то непременно случится...

В общем, хочется залезть в какую-нибудь нору и никому из нее не показываться. Я специально начала вести дневник, потому что поговорить вообще не с кем. У всех какие-то свои интересы, которые с моими совершенно не совпадают. Какой смысл все время говорить о мальчишках? Вот сегодня – мы убрали класс вместе Машкой Калашниковой. Так она меня сразу начала спрашивать, кто мне нравится. А какое ее дело? Я, конечно, грубить ей не стала, а задала встречный вопрос:

– А тебе кто?

А Машка сразу:

– Я первая спросила!

А я говорю:

– Так нечестно спрашивать. Надо сначала самой признаться в интимном, а потом уже к другим лезть. А то, мало ли, я тебе скажу, а ты мне признаваться не захочешь. Это будет несправедливо.

– Ну хорошо, – говорит Машка. – Я тебе скажу, только ты поклянись, что никому не расскажешь.

Я сразу сказала:

– Клянусь.

А Машке не понравилось:

– Что это за клятва такая, из одного слова?

– А сколько тебе надо?

– Ну... не знаю... побольше...

– Пожалуйста, – не стала я упрячиться и торжественно объявила: – Клянусь, что никому не расскажу, кто тебе нравится.

Чувствовалось, что Машку моя длинная клятва тоже не очень-то устроила, но другой она и сама не знала, а потому ей пришлось удовлетвориться тем, что есть. Она бросила швабру, которой мела пол, села на кафедру нашего кабинета физики и сказала:

– Мне Игорь Александров нравится. Он такой...

Машка завела к глаза к потолку, но так и не нашла там точного определения, каков же из себя Игорь. Но мне это и так очень хорошо известно, потому что Игорь мне и самой нравится. Кроме того, я подозреваю, что он еще многим девчонкам нравится. Если не всем...

Александров – он высокий и спортивный. У него яркие карие глаза и темно-каштановые волосы. Многие женщины специально красятся, чтобы получить такой цвет, а у Игоря он натуральный. Он вообще очень яркий. Наверное, потому всем и нравится. Вот возьмем меня.

Я тусклая и незаметная, вроде птицы воробья. Воробьи – они везде водятся, и их никто не замечает. А Игорь – он как какой-нибудь сокол или беркут. У него лицо немного хищноватое, но когда он улыбается, то это делается совсем незаметно. В общем, я здорово задумалась об Игоре, но Машка не дремала. Она тут же и говорит:

– Теперь ты признавайся, кто тебе нравится.

– Никто, – говорю я, потому что не повторяться же мне. Глупо ведь, если ей – Игорь и мне – Игорь.

Машка сразу с кафедры прыгнула и развопилась на весь класс:

– Ага, про нечестность говорила, а сама нечестная! Я тебе душу открыла, а ты!

Можно подумать, что я ее просила открывать мне душу.

– Ты же клялась! – продолжала возмущаться Машка.

– Я клялась никому про твою любовь не рассказывать, а про себя я и не думала клясться!

– Нет, вы посмотрите на нее! – продолжала возмущаться Машка, непонятно к кому обращаясь, потому что, кроме нас, в кабинете никого не было. – Надо же так бесчеловечно врать!

– Почему ты решила, что я вру? – спросила я.

– Да потому что такого не может быть, чтобы дожить до девятого класса и ни в кого не влюбиться!

– А может, я была влюблена, а потом взяла да и перестала любить... Скажешь, такого не бывает?

– Бывает! Только разлюбляются как раз для того, чтобы тут же снова влюбиться в другого! Женское сердце не терпит пустоты!

– Это твое не терпит, а мое – запросто.

– Я тебе никогда не поверю, потому что имею уже приличный жизненный опыт, и убирать с тобой класс ни за что больше не буду, – заявила Машка и с гордо поднятой головой вышла из кабинета физики.

Убирать класс одной мне тоже не очень-то хотелось, а потому я быстренько подмела пол, а мыть его не стала. Еще и не очень грязно. Всего несколько дней в школе проучились.

10 сентября

Сегодня я сняла футболку и долго разглядывала себя в зеркало. Грудь не растет, хоть плачь. Какие-то жалкие бугорки. Я нашла в шкафу мамин бюстгальтер, надела его, а сверху натянула свою футболку. Чашечки, прижатые трикотажем, провалились, и на моей груди вместо соблазнительных выпуклостей образовались два кривых кратера от вулкана Этна и вулкана Везувий. В общем, последний день Помпеи...

На физкультуру я тогда так и не пошла. Поскольку это был первый урок «физры» в новом учебном году, моего отсутствия никто не заметил, но дальше так, конечно, продолжаться не сможет. Елизавета Максимовна всегда зорко следит за посещаемостью, чтобы вовремя про-сигнализировать родителям и принять соответствующие меры.

Я достала из шкафа два легких шарфика и, задрав футболку, запихала их в чашечки бюстгальтера. Зажмурилась, опустила футболку и с замершим сердцем открыла глаза. Ну вот! Совсем другое дело! Я была бы не хуже Шевченко, если бы не... Но пока я хуже. Я хуже всех. Я специально потихонечку разглядывала наших девчонок по очереди. Даже у худюшей Ольги Семеновой сквозь трикотажную кофточку проступает застежка бюстгальтера, а у меня... Уродина! Страшилище! Средний род!

Конечно, есть еще Галя Долгушина. Тоже не подарок. Но ее наличие в нашем классе меня абсолютно не утешает.

Сегодня буквально на всех переменах девчонки опять обсуждали парней. Я была права: Игорь Александров нравится всем. Конечно, никто об этом прямо не говорил, но все было ясно по тем словам, которые в адрес его звучали: Игорь то, да Игорь се, да как он классно играет в теннис, да какие на нем моднющие джинсы... Можно подумать, что больше и поговорить не о чем. Я попыталась перевести разговор на то, что совсем обалдевшая англичанка уже назначила первую самостоятельную, так девчонки вместо самостоятельной принялись обсуждать серьги англичанки. Серьги, конечно, красивые. Я и сама обратила на них внимание. Но нельзя же все время говорить только о парнях, нарядах и украшениях.

Когда мама пришла домой с работы, я ее спросила, нельзя ли мне проколоть уши.

– Это еще зачем? – спросила мама, будто не знает, зачем прокалывают уши.

– У нас почти у всех девочек есть серьги, – объяснила ей я. – У некоторых даже по несколько пар. Золотые, серебряные... Стальные тоже бывают ничего... Оригинальные.

– Сначала научись убирать за собой постель, а потом уже будем говорить о серьгах, – рыкнула мама.

Не понимаю, почему непременно надо рычать?! Почему нельзя говорить спокойно?!

– При чем тут постель? Я сегодня просто не успела! – с обидой в голосе крикнула я.

– Ты постоянно не успеваешь!

– Ничего не постоянно! Я вообще не вижу связи между серьгами и постелью.

– А я вижу! Серьги – это принадлежность уже взрослой девушки, а у тебя еще сплошное детство!

Я не знала, что она имеет в виду: неубранную постель или мою детскую фигуру. А спрашивать не стала, потому что и так уже с трудом боролась со слезами. Неужели я тоже стану такой же бессердечной, когда вырасту? Неужели я так же буду унижать собственную дочь? Ни за что! Вот если бы я была собственной матерью, то обняла бы меня и сказала:

– Давай, доченька, купим тебе серьги попозже, а то сейчас совершенно нет на них денег.

Это же совершенно другое дело, когда нет денег. Можно и другую подобную причину придумать уважительную. В таком случае даже и обмануть не грех. Главное ведь, чтобы не было обидно. Но мама почему-то все время пытается уколоть меня побольнее. И что я ей такого

сделала? Может быть, она меня не любит? Да, скорее всего, она меня не любит. Наверно, такую уродину нельзя любить...

Конечно, Игорь Александров тоже меня полюбить не сможет, когда по классу фланируют такие, как Настька Шевченко и предательница Наташка Погорельцева. Конечно, сколько бы Погорельцева ни пыжилась, до Настьки она все равно не дотягивает, но выглядит в сто раз лучше меня.

Вот я все время думаю, что любовь и дружба – это то, чего на самом деле не бывает в жизни. Люди думают, что они дружат, а на самом деле они просто собираются вместе для того, чтобы друг другу про себя рассказывать. Не станешь ведь всему классу рассказывать, какие тебе купили кроссовки или что тебе нравится Игорь Александров. Вот и приходится выбирать того, кто согласится это слушать. Наверное, Настьку слушать интереснее, чем меня. Ей родители такое покупают, что мне и не снилось. Например, наборы косметики. Возможно, Настька не только рассказывает Наташке про нее, но и дает изредка помазаться. А я что? Чем я могу похвастаться? Ничем.

А любовь... Любовь – это вообще непонятно что. Девчонки помешались на любви, как ненормальные. А Игорь, между прочим, ни на кого не смотрит. Я за ним специально наблюдала. Дай, думаю, посчитаю, сколько он знаков внимания кому-нибудь окажет. Так он никому не оказал! Разве что Машке Калашниковой – перед географией ей крикнул: «Отойди от шкафа! Не видишь, что сейчас карты свалятся прямо тебе на голову!» Машка отошла, а стопка карт действительно свалилась. Я думаю, Машке было приятно, что Игорь о ней так позаботился. Хотелось бы мне быть на месте Машки...

А еще я думаю, что любовь – это проявление самого ужаснейшего эгоизма. Вот, например, мне нравится Игорь. Очень может быть, что я к нему испытываю то, что как раз является любовью. И что? Я хочу, чтобы он обратил на меня внимание, был рядом со мной, держал за руку, а все девчонки бесились бы от зависти. Что это, если не эгоизм? И почему это назвали любовью?

В общем, я поняла, что названия и определения на самом деле могут здорово уводить в сторону от предмета и приукрашивать действительность. А если посчитать, что никакой дружбы и любви не существует, то можно презирать тех, кто до сих пор еще этого не понял.

Сегодня на английском ко мне подседа Машка Калашникова и стала делать вид, что между нами не произошло никакого разговора на повышенных тонах и что она не слиняла из класса, когда его надо было убирать. Я решила ей об этом не напоминать. К чему? После английского она уселась ко мне и на алгебре, хотя кабинет математики большой и свободных мест – навалом. По-моему, Машка хочет со мной дружить, потому что ей больше не с кем. Всякие там Настьки Шевченко со своими прилипалами ее к себе не допускают. Рылом не вышла. Как и я.

Глядя на Машку, я утвердилась в своей теории, что люди ищут дружбы, чтобы поговорить о себе. С конца английского и всю перемену до математики Калашникова трещала, как здорово она отдохнула в летнем лагере в Сиверской. Очень хотелось сказать ей, что мне ровным счетом на это наплевать, но я так говорить не стала. Успею. А то противно ходить одной по школе. Нет, вообще-то мне нормально, но другие могут подумать, что я какая-нибудь ущербная, раз одна. Так что пусть Машка пока рядом трещит. От меня не убудет. Я и отвечаю-то ей через раз. Когда захочу.

12 сентября

Сегодня мама опять нудила про свет в ванной, про то, что я не мою за собой чашки и оставляю их, грязные, в разных местах квартиры. Да, это правда. Я оставляю, но не специально, как и свет в ванной. У меня очень мало радостей в жизни. Одна радость – прийти домой из школы (разумеется, важно, чтобы родителей дома не было), налить себе чаю, отрезать от батона горбушку, намазать ее маслом, а сверху положить ягодки клубничного или вишневого варенья и сесть смотреть телевизор, все равно что. Или слушать музыку по центру. Я и оставляю поэтому чашки в разных местах – то у телика, то у центра, то еще на подоконнике, потому что люблю смотреть из окна на улицу.

Я вот что думаю: если бы я всегда гасила свет в ванной, мыла чашки и все остальное делала правильно, то мама вообще со мной не разговаривала бы, потому что – не о чем. И в конце концов, возможно, она даже забыла бы, как меня зовут. А так своими невымытыми чашками я ей постоянно о себе напоминаю, и у нас таким образом сохраняется некое подобие семьи.

В школе тоже тоска. Самостоялки, контрошки, параграфы, уравнения... И еще классные часы. Какие же идиотские у нас классные часы! Сегодня Елизавета своим сопящим голосом отчитывала нас за то, что мы плохо ведем себя на уроках, ничего не учим и что все учителя на нас жалуются. Если бы мы все всё учили и хорошо себя вели, то на классных часах тоже не о чем было бы говорить.

Взрослые боятся говорить с нами о чем-нибудь другом, кроме успеваемости и поведения на уроках. Вдруг мы другое поймем неправильно и сразу напьемся, обкуримся, забеременеем, а им отдувайся. Вот глупые. Да если мы захотим, то и без всяких разговоров напьемся, обкуримся и забеременеем.

А на физкультуру я хожу. Во-первых, для того, чтобы Елизавета не донесла родителям, что, мол, я прогуливаю уроки, а во-вторых, потому, что вдруг поняла: для всего класса я – пустое место, и никто даже не подумает пристально меня разглядывать ни на физкультуре, ни в каком-нибудь другом месте. Я специально надела самую облегающую футболку из тех, что нашла дома. Моя жуткая фигура под ней очень хорошо просматривалась. Как я и думала, никто не обратил на меня никакого внимания. Слишком много чести рассматривать какую-то жалкую Катерину Максимову. В нашем классе есть на кого посмотреть. Например, на Настьку Шевченко. На Наташку тоже можно. Она теперь ходит на физкультуру в такой навороченной футболке ярко-голубого цвета со всякими иностранными надписями вдоль и поперек, что от нее вообще глаз не оторвать.

В общем, все отвратительно. Скучно. Нудно. Я не хочу так жить, как живут мои родители. Они приходят с работы, ужинают, прибирают квартиру, ругают меня, смотрят телевизор и ложатся спать. Утром просыпаются, будят меня, опять за что-нибудь ругают и уходят на работу. Когда возвращаются – все начинается сначала. Неужели человек рождается для того, чтобы спать и есть, а работает для того, чтобы было на что есть и покупать себе всякое тряпье и холодильники с телевизорами? И еще для того, чтобы все время тюкать своих несчастных детей? Отрываться на них за то, что у самих жизнь такая нудная?

Я уже писала раньше, что мне все время отчего-то тревожно. Мне кажется, что все это вялое существование – затишье перед бурей. Как перед цунами. Море отползает далеко-далеко от берега и обнажает неприглядное дно: камни, осколки битых бутылок, сброшенные старые панцири крабов... а потом раз – и огромная волна, с десятиэтажный дом, обрушивается на тех, кто ничего не предчувствовал, был беспечен и даже, возможно, разглядывал те самые сброшенные панцири крабов. Я что-то предчувствую, но не знаю, что. Я не хочу попасть под

цунами. Я хочу улететь. Я даже написала что-то вроде стихов, хотя, конечно, это не стихи. У них нет рифмы, да и вообще... Вот они:

Я хочу улететь туда, где никто не гасит свет
и не моет чашки.
Там всегда светло и нет нудных людей.
Там нет врагов и друзей, что часто одно и то же.
Я хочу улететь туда, где нет родителей
и все люди равны.
Там нет школ, потому что все уже все знают,
Там нет классных часов, потому что нет
никаких классов.
Я хочу улететь с НИМ, которого у меня нет.
Мне не хотелось бы об этом думать,
Но я думаю только об этом.

15 сентября

Сегодня меня назвали чмырной рожей. Конечно, одиннадцатиклассник и между делом. Я, видите ли, помешала ему проскользнуть в дверь коридора, и поэтому его поймала за хвост завучиха. Так что можно считать, что ругательство было не персонифицированным. То есть он мог бы назвать чмырной рожей любого, кто помешал бы ему сбежать. С другой стороны, Настьку Шевченко он так не назвал бы. У нее не рожа, а лицо, как с журнальной картинки.

Кстати, она сегодня в классе показывала девчонкам навороченную тушь: с одной стороны тюбика торчит щеточка, которая красит белым, от чего ресницы удлиняются и утолщаются, а с другой стороны есть вторая щеточка, которая уже красит черным. Девчонки визжали от восторга и просили дать покраситься. Она не дала. Я считаю, что правильно. Так и самой не хватит. Я посмотрела в зеркало на свои голые ресницы и подумала, что если бы их – сначала белым, а потом – черным, то они тоже были бы ничего себе...

Теперь напишу про то, что меня, чмырную рожу, не должно было бы интересовать, но заинтересовало.

Помешательство наших девчонок на мальчишках дошло до такой степени, что они организовали в классе агентство «Найди свою любовь», которое для конспирации зовется иначе – «Найди себе друга». Ясно, что настоящее название известно всем, кроме нашей классной, Елизаветы. Конечно, инициатива исходила от Настьки и моей бывшей подруги Наташки, а все девчонки с удовольствием ее подхватили. На классном стенде, где обычно висят всякие списки и вопросы к зачетам, Настька повесила лист с анкетой, которую надо заполнить и сдать им с Наташкой. А они, как в брачных агентствах, будут подбирать пары по интересам и предпочтениям.

На стенде был повешен вариант № 1 – для усыпления бдительности нашей классной. Вопросы там совершенно невинные: про книги, спорт, любимые передачи, музыку и тому подобное. На руки же можно получить и вариант № 2, где вопросы совершенно другого плана. Вот что они собой представляют:

1. Какого цвета у твоего друга (подруги) должны быть волосы и глаза?
2. Какой рост для тебя предпочтительнее или это не имеет существенного значения?
3. Что твой друг (подруга) должен (должна) предпочитать из одежды и обуви?
4. Должен (должна) ли твой друг (подруга) использовать какой-нибудь парфюм?
5. Должен (должна) ли твой друг (подруга) курить и пить пиво?
6. Должен (должна) ли твой друг (подруга) хорошо учиться или это не имеет существенного значения?
7. Должен (должна) ли он (она) уметь целоваться или лучше, чтобы он (она) никогда еще этого не делал(а)?
8. Готов(а) ли ты сесть с ним (с ней) за одну парту?
9. Готов(а) ли ты всем пожертвовать для друга (подруги)?
10. Готов(а) ли ты при всем классе признаться ему (ей) в любви?

Я, конечно, не собираюсь заполнять их дурацкие анкеты, но если бы стала, то, конечно, написала бы про цвет глаз, рост и одежду Игоря Александрова. Игорь учится нормально, то есть средне. И мне, честно говоря, совершенно безразлично, как он учится. На парфюм мне тоже наплевать. Я никакой не использую. Потому что у меня его нет. А если бы был, то использовала бы. Думаю, что и Игорь поступил бы так же, да и любой другой человек. Мне вообще-то нравится мамина итальянская туалетная вода «DOLCE & GABBANA», но я понимаю, что этот запах не для девушек. Он очень сладкий, густой и тяжелый. А в мужской парфюмерии я разбираюсь еще меньше, потому что отец вообще ее не употребляет. Не любит. Самое боль-

шее, чем от него может пахнуть, так это кремом для бритья «Спорт» или мылом. «Банным» или «Вазелиновым».

А вот остальные вопросы анкеты № 2 привели меня в такое волнение, будто бы надо мной уже нависла та самая волна-цунами. Должен ли Игорь уметь целоваться? Не знаю... Лучше бы, конечно, не должен... С другой стороны, если в паре оба не умеют, то как же тогда быть?

Могла бы я признаться в любви перед всем классом? Нет. Зачем это классу? Мое признание нужно только тому, кому нужно, а остальным до этого не должно быть никакого дела. Хотя, если честно, то оно, это мое признание, вообще никому не нужно. Я еще ни разу не ловила на себе заинтересованный мужской взгляд. Может, никогда и не поймаю?

За одну парту с Игорем я, конечно, с удовольствием села бы. Только предварительно надо Машку Калашникову шугануть. Смешно: Машка-то, может, и шуганется, только Игорь никогда ко мне не сядет. Этого у него и в мыслях нет.

Насчет пива и курева вообще глупо спрашивать. Все парни курят. Думаю, что и пиво пьют. Зря, конечно. Все газеты и журналы уже сто раз написали про подростковый пивной алкоголизм. Так что лучше, чтобы Игорь не пил, а то вдруг не сможет отвыкнуть.

Что касается «всем пожертвовать», то это вообще вопрос не ко мне. У меня ничего нет. Мне нечем жертвовать. Разве только жизнью...

16 сентября

Сегодня Настька с Наташкой были завалены ответами на вопросы анкет № 1 и № 2 и все перемены их обрабатывали. Я была уверена, во-первых, что никто из парней в этой ерунде участия не примет, а во-вторых, что вообще ничего не получится.

У нас в классе десять мальчишек. Как и девчонок. Тут у нас все в порядке, не то что в 9-м «Б», где на пятнадцать девчонок всего шесть ребят. Только один из наших мальчишек – Костя Морозов – ярко-рыжий. Двое – Борька Товпенец и Денис Галенко – блондинистые. Все остальные – разной степени шатенистости, то есть, в общем-то, темноволосые, как Игорь, если не принимать во внимание легкий каштановый оттенок его волос. И глаза у многих – карие. А уж одеваются парни вообще все одинаково: джинсы, кроссовки, джемпера. Музыка тоже все предпочитают одинаковую, да и передачи по телику смотрят одни и те же. Так что если не указывать в анкете фамилии, то каждой девчонке подойдет любой из одноклассников. И вся Настькина затея сгниет на корню.

Я ошиблась в том, что парни не примут участие. Приняли. Двое. Огненно-рыжий Костя Морозов и блондин Борис Товпенец. Ни тот, ни другой никогда не интересовали ни одну из наших девчонок. Костя, кроме своей потрясающей воображение рыжины, имеет такое бессчетное количество веснушек на лице, что они сливаются в одну сплошную массу, и он при этом здорово смахивает на краснокожего индейца. Борьку Товпенца лучше было бы звать Толстцом, хотя он у нас не просто толстый. Он какой-то бесформенный и студенистый. Когда он бежит на физкультуре, все его тело колыхается под тонким спортивным костюмом, как праздничный холодец. Подозреваю, что оба они – и Товпенец и Морозов – хотели через анкету найти себе просто друга. Наверняка о девчонках даже и не мечтали.

После уроков Настька попросила всех девчонок остаться. Я тоже осталась, хотя на вопросы анкет не отвечала. Интересно же послушать, что там у них вышло. А вышло то, что я и думала. Ничего. Шевченко сказала, что все хотят себе совершенно одинаковых парней или, что скорее всего, одного и того же. Этого, «одного и того же», заявила она, на всех все равно не хватит, и поэтому надо срочно решать, что делать дальше.

Тут выступила вперед моя бывшая подруга Наташка и говорит:

– Мы с Настей не дуры и понимаем, что каждая из вас положила глаз на Игоря Александрова. Это ж ему разорваться? Мы с Настей предлагаем послать ему лично другую анкету, вернее даже записку, в которой прямо спросим, кто ему нравится и с кем он хочет дружить. Кто согласен с этим предложением, прошу голосовать!

Семь девчонок подняли руки сразу. Не подняли я, Машка Калашникова и Алла Куликова. Настька и говорит:

– А вы, значит, не согласны. Можно узнать, почему?

Алла скривила свои губки, накрашенные перламутровым блеском, и ответила:

– Да потому что мне нет дела до вашего Игоря! Нашли тоже супербоя! Если хотите знать, то я с Толиком Юсуповым из 10-го «В» встречаюсь и на Александрова совершенно не претендую.

Настька с Наташкой и все остальные девчонки посмотрели на Аллу с большим уважением, а потом перевели взгляды на меня с Калашниковой. Машка, конечно, молчала, как рыба, и говорить пришлось мне.

– А мне ваш Александров просто не нравится, и все, – сказала я, нечеловеческим усилием воли заставив себя не покраснеть.

– Только не вздумай заливать, что встречаешься с кем-нибудь другим! – заявила бывшая подруга, а ныне предательница Погорельцева. – Уж я-то про тебя все знаю.

Таким образом она зачем-то намекнула на нашу бывшую дружбу. Наверно, для того, чтобы унижить. Конечно, она теперь правая рука самой Анастасии Шевченко, а я вообще неизвестно кто. Одинокая, никому не интересная особь.

– Ни с кем я не встречаюсь, – не стала врать я. – Но если захочу, то ни за что не стану участвовать в ваших идиотских анкетах и дурацких записках. Я сама подойду к тому, кто мне понравится, и предложу встретаться.

– Ой-ей-ей! Какие мы храбрые! – презрительно сказала Настька. – Хотелось бы посмотреть, как ты это будешь делать!

– И еще послушать бы, что тебе при этом ответят! – ввернула подлая Наташка.

– Боюсь, что не доставлю вам такого удовольствия, – буркнула я, но все уже повернулись к Машке.

– А я... я... – начала лепетать Калашникова, потом зачем-то взяла меня под руку и сказала: – Я тоже думаю так, как Катя.

– Ну-ну, – процедила Шевченко. – Вам ничего не остается, как выпендриваться, потому что не только Игорь, но даже и Товпенек с Морозовым на вас никогда не позарятся. В зеркало-то надо смотреться, хоть иногда!

На этом ее оскорбительном выпаде в наш адрес мы с Машкой гордо покинули класс.

На улице Калашникова мне и говорит:

– Знаешь, Катя, на самом деле мне сильно нравится Игорь. Я тебе уже говорила... Но я никогда не смогу к нему подойти. Шевченко права: я очень некрасивая. В зеркало смотреться вообще не хочется...

– Ты поэтому и ко мне прилепилась, да? – рассердилась я. – Считаешь, что я тоже некрасивая и поэтому тебя стерплю?

Машка вздрогнула и так съежилась, что мне стало ее жалко. Она затравленно молчала, а я продолжила:

– Про себя не буду говорить. Я уродина, согласна. Но ты, клянусь, совершенно нормальная! Ты просто слишком тихая и все время сжимаешься! Вот чего ты сейчас вся согнулась, будто я собираюсь тебя бить?

Калашникова опять молча пожала плечами, и снова пришлось говорить мне:

– Знаешь, что... ты сейчас придешь домой, посмотришься в зеркало и увидишь, что у тебя красивые серые глаза и длинные ресницы. Настьке приходится то накладные прилеплять, то свои жалкие реснички мазать тушью, то белой, то черной, а у тебя они и так на пол-лица!

– Ты шутишь... – залепетала Машка.

– Не шучу! Валяй домой и посмотришь в зеркало! Завтра отчитаешься, что там увидела!

Я оставила растерянную Машку на крыльце школы, а сама, не оглядываясь, пошла домой. Мне хотелось остаться одной и все обдумать.

Дома я окончательно поняла, что себе ненавистна. Я только что предала Игоря, свои чувства к нему, сказав, что он мне не нравится. На самом деле я с каждым днем думаю о нем все больше и больше. Он мне снится. Сегодня, например, снилось, будто бы мы идем с ним по дну моря, тому самому, которое обнажилось, когда отхлынула вода, собираем ракушки и каких-то смешных маленьких рачков. Я говорю ему:

– Игорь, надо уходить, потому что море скоро вернется.

А он беспечно отвечает:

– Не спеши. Мы успеем. Мне хорошо с тобой.

Я посмотрела вдаль и увидела надвигающуюся огромную волну. Хотела крикнуть: «Бежим!», – но язык во рту еле двигался, крикнуть не получалось. Не получалось и бежать. Я проснулась как раз в тот момент, когда над нами нависла огромная блестящая темно-синяя волна.

Конечно же, я никогда не смогу подойти к нему и предложить свою дружбу. Или не дружбу... В общем, я не знаю, как это назвать. Я совсем запуталась в определениях и названиях. Я все врала девчонкам. Но раз сказала им, что смогу, значит, должна смочь. Нет... Все-таки не смогу... Жалкая, ничтожная трусиха! Хуже Машки! Она, по крайней мере, ничего о себе не сочиняет!

Впрочем, чтобы подойти к парню и сказать ему о своих чувствах, нужно немалое мужество. Его нет даже у красотки Шевченко. Не случайно она затеяла эту канитель с анкетами и записками. Записки... А что, если написать Игорю письмо? Это почти то же самое, что сказать. Или это похоже на Настькину записку? Нет! Я же не стану в письме задавать ему глупые вопросы, кто ему нравится да с кем он хочет дружить. Я вообще ни слова не напишу об этой самой дружбе, в которой очень сомневаюсь. Я напишу о другом. Можно, например, описать мой последний сон. Он такой странный... как предзнаменование. Во сне Игорю было хорошо со мной.

А что, письмо – хорошая затея. Тем более что Игорь живет в одном доме с моей бабушкой. Я будто бы пойду к бабушке, а сама опущу ему в почтовый ящик письмо. К бабушке я, конечно, тоже зайду, и «будто бы» станет правдой.

17 сентября

Уже вчера вечером я все-таки решила, что письмо – это то же самое, что Настькина записка. То есть такая же глупость, что-то детское и ненастоящее. Глупостями я старалась никогда не заниматься. Конечно, ни один человек от них не застрахован, но ведь всегда можно обдумать свои действия, прежде чем что-то совершить. Как там гласит народная мудрость? Семь раз отмерь, один отрежь. Я семь раз отмерила и решила не писать. Но это все было вчера.

Сегодня случилось нечто такое, что перевело мои чувства к Игорю Александрову совсем в другую категорию.

Последним уроком у нас должна была быть биология. Наша биологичка Анна Матвеевна запустила нас в кабинет, попросила полить цветы и куда-то ушла по своим делам. Цветов в кабинете биологии – видимо-невидимо. Это не кабинет, а настоящий сад. Все, кому дома надоедают цветы, приносят их в кабинет. И просто так приносят, и еще родители покупают – для красоты.

В начале года чья-то мамочка принесла в кабинет потрясающий кактус. Я не запомнила, как он называется, хотя Анна Матвеевна, конечно, говорила. Но не в названии дело. У этого кактуса не иголки, а будто бы белые волоски. Кажется, что их даже можно причесать. И вот этот необыкновенный кактус день назад расцвел. Цветок тоже потрясающий: на длинной ножке, густо-малиновый и похожий на розу, только лепестки не тонкие и нежные, а будто восковые и даже с легким белым налетом. Анна Матвеевна выставила кактус на кафедру, на самое видное место. Как войдешь в кабинет, так сразу и натыкаешься взглядом на этот кактус. Вся школа приходила на него смотреть. Даже поварихи из столовой.

Цветы, конечно, начали поливать дежурные. А дежурили студенистый Товпенец, про которого я уже как-то писала, и Галя Долгушина. Эта Галя – такая же страшная, как и я. А может быть, даже хуже. У нее плоское блинообразное белое лицо, на котором чернеют маленькие глазки. И губки у нее тоже маленькие и очень бледные. Из-за этого кажется, что она все время больна и вот-вот упадет в обморок. Волосы у Долгушиной жидкие и завязаны в тощий хвост. У меня тоже не слишком густые и тоже в хвост завязаны, но все-таки лучше. Хотя, кто его знает, что окружающим кажется. Может, для них мы с Галей на одно лицо...

Товпенец с Долгушиной полили все цветы, и остался только один кактус на кафедре. Говорят, что кактусы вообще надо редко поливать, но этот был такой красивый, что Гале захотелось и его полить тоже. Она его полила из желтой лейки и собиралась сойти с кафедры, но обо что-то запнулась. На ногах Галя удержалась, но, во-первых, уронила на пол лейку с порядочным количеством воды, которая тут же растеклась по полу гадкой лужей. А во-вторых, что было гораздо страшнее, чем во-первых, своей собственной рукой столкнула на пол кактус. Мало того что пополам раскололся горшок – треснул еще и сам кактус, и, главное, оторвался и смялся чудесный малиновый цветок.

Класс дружно охнул и замер, не зная, что лучше предпринять. Как назло, тут же прозвенел звонок на урок. Галя метнулась за свою парту и замерла на ней в позе примерной ученицы, будто бы и не была дежурной и никаких цветов не поливала. А Товпенец вообще уже давно сидел на своем месте. В общем, создалось такое впечатление, что кактус сам прыгнул с кафедры прямо с горшком и всем назло разбился.

Разумеется, при виде изувеченного цветка биологичка застыла в ужасе прямо в дверях класса. Она хватала ртом воздух, как будто ей его здорово не хватало. В конце концов она все-таки умудрилась задушенно произнести одно слово:

– Кто?

Я еще тогда подумала: а разве важно, кто? Понято же, что никто не сделал бы этого специально. Вся школа обожала чудо-цветок. Произошел несчастный случай, и надо было посмот-

реть, нельзя ли спасти кактус. Может, его еще можно как-то вылечить, и тогда он снова зацветет. Но Анна Матвеевна спасать кактус не спешила, зато жаждала крови. Очень скоро обретя свой нормальный голос, она потребовала, чтобы презренный преступник признался, чтобы понести заслуженное наказание.

Хотя я кактус и не роняла, все равно испугалась, когда речь пошла о каком-то наказании. Я осторожно посмотрела на Галю. Она была уже не просто бледная, а совершенно синяя, а сквозь кожу проступила ее сетка сосудов такого же малинового цвета, как погибший восковой цветок. Товпенец тоже был не в лучшем состоянии, хотя к падению кактуса не имел никакого отношения. И вообще весь класс имел самый несчастный вид. Честно говоря, я даже не могла представить, как должен быть наказан человек, уронивший кактус, и мне почему-то начали мерещиться всякие средневековые ужасы.

А Анна Матвеевна между тем продолжала вопрошать «Кто?» уже вполне окрепшим голосом. Я опять краем глаза посмотрела на Галю. Она как раз взялась синюшной рукой за край парты, чтобы встать, но тут вдруг раздался резкий хлопок в конце класса. Это со своего места так резко поднялся Игорь Александров, что уронил собственный стул.

– Это я, Анна Матвеевна, – сказал он.

– Что именно? – спросила биологичка, которая жаждала раскаяния по полной программе.

– Это я... кактус... уронил...

– Как уронил?! – возопила учительница. – Как можно уронить стоящий на столе горшок?!

Игорь тоже не знал, как это можно сделать (и вообще видел ли он, как цветок уронила Галя?), поэтому начал говорить, по-моему, первое, что приходило в голову:

– Ну, я... это... шел, значит, мимо... и... в общем, оступился и сбил рукой горшок...

– Как можно оступиться на ровном месте?

– Не знаю... как-то так получилось...

– Вы обманываете меня, Александров! – заключила биологичка, и Галя Долгушина совершенно обмерла от страха, а Товпенец даже как-то уменьшился в размерах. – Вы наверняка баловались у кафедры, что не делает вам чести в вашем-то возрасте!

– Вы правы, Анна Матвеевна, – кивнул Игорь, решив с ней во всем соглашаться. – Я баловался у кафедры, что не делает мне чести...

Я подумала, что биологичка сейчас начнет уточнять, как именно Александров баловался у кафедры, находясь в столь почтенном возрасте, и внутренне содрогнулась. Оказывалось, что из заурядной истории с нечаянно сброшенным на пол цветком при желании можно соорудить приличное по масштабам преступление. Было бы желание. У Анны Матвеевны оно было. И она соорудила бы такое преступление, что пальчики оближешь, если бы за каким-то делом в кабинет не вошла завуч. Та самая, из-за которой меня называли чмырной рожей. Но я на нее за это не в обиде. Она вообще-то неплохая тетка, что тут же и доказала нам всем еще раз.

– Вот! Полюбуйтесь! – с большой патетикой в голосе обратилась к ней биологичка, показывая обеими руками на лужу на полу и на разбитый кактус. – И это вытворяют наши девятиклассники! Выпускники!

Поскольку в классе столбом стоял один Игорь, завуч с сочувствием, которое очень не понравилось биологичке, обратилась к нему:

– Игорь! Надо же быть осторожнее! Сейчас же убери все с пола!

– А как же кактус? – взвизгнула Анна Матвеевна.

Я удивилась: неужели ей казалось, что Игорь как-нибудь сумел бы возродить погибший цветок?

– Кактус, конечно, очень жаль, – сказала завуч. – Мы все им гордились. Но... я завтра принесу вам в кабинет другой. Конечно, не такой оригинальный, как этот, но тоже цветущий. У него на самой макушке большая розовая ромашка. Также красиво. Но это завтра. А сейчас я хотела бы сделать объявление.

Она взмахом руки пригласила Игоря к уборке пола у кафедры и сказала, что завтра при- шлют из РОНО контрольную по биологии и что мы должны к ней серьезно подготовиться. И желательно начать подготовку прямо сейчас. После этой своей краткой речи завуч очень вырази- тельно посмотрела на Анну Матвеевну, и та поняла, что про кактус сегодня лучше больше не заводить.

Весь урок мы готовились к контрольной, а после урока как-то было уже несерьезно снова раздувать историю с погибшим цветком. Чувствовалось, что биологичке очень хотелось об этом поговорить, тем более что останки бедного кактуса очень трагически выглядели в корзине для мусора, но она все-таки не стала. Думаю, опасалась, что мы пожалуемся завучу. А может, и сама уже пришла в чувство.

Зато в гардеробе разыгралось целое представление. Все такая же синюшная Долгушина подошла к Игорю и, хлюпая носом, жалобно сказала:

– Спасибо, Игорь... Я теперь для тебя... все, что хочешь...

– Брось, Галь, – отмахнулся от нее Александров, но Долгушина вдруг разрыдалась и упала ему на грудь.

И при всем честном народе Игорю пришлось ее успокаивать, гладить по тощему хвосту и говорить всякие слова. Вокруг, конечно, собралась целая толпа жаждущих зрелищ. Не только из нашего класса, но и из других, у которых тоже закончились уроки. Щеки Игоря покраснели, и даже лоб покрылся испариной, но он все же Гальку от себя не оттолкнул. Он осторожно посадил ее на стул у зеркала и быстро вышел из школы.

– Прямо греческая трагедия! – заключила Настька Шевченко, удобно расположившись на скамейке против школы, где все девчонки (и я в том числе), исключая, конечно, Долгушину, собрались обсудить данное происшествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.